

Погибшие —

Гниют на поле боя...¹⁵

(Ду Фу. «Прощание бездомного».

Пер. А. Гитовича.)

...Бесчинствуют банды,

Народ погибает без хлеба,

Пора б государю

Свой стол сократить вполовину¹⁶...

(Ду Фу. «Больное мандарино-

вое дерево». Пер. А. Гитовича.)

В лекционном курсе «История стран Азии и Африки в Средние века» выделяются основные направления внутренней и внешней политики династии Тан в Китае: аграрные преобразования, завоевания танской эпохи, кризис династии Тан. Поставленные вопросы рассматриваются на основе анализа основных источников по теме: официальной истории династии, Тан шу и китайской поэзии. Переводы средневековой китайской лирической поэзии помогают студентам в изучении ключевых проблем династии Тан.

А. С. Титаренко

Уральский федеральный университет

Особенности взаимодействия России и Китая в работах российских мыслителей (вторая половина XIX — начало XX в.)

Контакты между двумя великими государствами, Россией и Китаем, соседствующими на обширных пространствах Азии, имеют длительную историю. Хотя вплоть до XIX в. об активном взаимодействии двух стран говорить не приходится. Российско-китайские отношения активизировались в середине XIX в. После Крымской войны ослабление своих

¹⁵ Поэзия эпохи Тан... С. 186.

¹⁶ Там же. С. 209.

позиций в Европе Россия стремилась компенсировать активизацией внешней политики в Среднеазиатском и Дальневосточном регионах. Усиление экспансии европейских держав в 40–50-х гг. XIX в. в Китае, особенно поражение Китая от Англии внушало царскому правительству беспокойство за безопасность границ Российской империи на Дальнем Востоке. Вследствие ослабления обороноспособности Китая заключается ряд русско-китайских договоров, ставших основой для развития взаимоотношений двух стран в исследуемый период (Айгунский, Тяньцзинский — 1858, Пекинский — 1860).

Одним из важных факторов российской политики в отношении Китая было представление об этой стране, существовавшее в российском сознании. Проблемы Китая с середины XIX в. стали достаточно активно рассматриваться основными русскими журналами. Споры о Китае и китайцах велись в самых различных кругах: среди мыслителей, публицистов, специалистов-востоковедов и политиков. Представители российской общественности с неизменным вниманием и дальновидным интересом относились к китайским политическим и торговым делам, а в особенности к проблемам взаимоотношений между двумя государствами.

Прежде всего, значительное число авторов указывает на необходимость изучения истории и культуры Китая: «Положительно можно назвать преступлением то, как мы, исконные соседи такого великого государства, так мало познакомились с ним»¹. Данный тезис в своих работах поддерживали в первую очередь синологи, в частности, С. М. Георгиевский в своей монографии «Важность изучения Китая» подчеркивал, что Китай ошибочно рассматривают как царство застоя, историческую окаменелость. По его мнению, необходимо тщательно изучать историю Китая, чтобы понять законы, по которым развивается эта великая цивилизация, и идеалы, к которым она стремится². К. Вейдемуллер писал о том, что вследствие малого изучения этой страны политики рассматривают Китай как инертную желтую массу, «quantité négligeable», по отношению к которой допустим тон высокомерного презрения³.

В размышлениях об отношениях Китая и России российские авторы прежде всего обращались к теме особенностей восприятия китайцами европейцев и русских. Термин «европейцы» в русской литературе

¹ Верецагин А. В Китае. Воспоминания и рассказы 1901–1902 гг. СПб., 1903. С. 5.

² См.: Георгиевский С. М. Важность изучения Китая. СПб., 1890.

³ Вейдемуллер К. Проснувшийся Китай. СПб., 1911. С. 13.

трактуются по-разному: во-первых, русские могли отождествляться с европейцами, во-вторых, могли им противопоставляться, и, в-третьих, русские могли выделяться как отдельная группа европейцев, имеющая свои особенности.

Прежде всего, авторы обращают внимание на любознательность и недюжинный интерес, проявляемый китайской толпой к иностранцам. Путешественник Г. Потанин описывает курьезные случаи, которые возникали в силу назойливого любопытства китайцев к его персоне. Китайцы буквально облепляли все окна гостиницы, где он жил, его жизнь была ежедневно под присмотром сотен глаз, начиная с утреннего туалета и завтрака⁴. Военный агент России в Китае Д. В. Путята в «Очерках Китая» писал о взгляде китайца на европейца: «В портовых городах после 300 лет сношений Запада с Востоком европейский резидент все еще представляет курьезную загадку для населения, и его внешность подвергается самой жесткой критике. Густая растительность на лице, небритый лоб наводит на мысль о зверином происхождении “заморского дьявола”. Мужской костюм, обнаруживающий контуры тела, или открытый дамский лиф кажутся китайцу противоречащими всяким понятиям о пристойности...»⁵ Русских китайцы также рассматривали как заморских чертей. Так исследователь А. Рудаков писал, что среди китайского населения в Маньчжурии и на Амуре русским давались следующие насмешливые клички:

– «ло-ча», т. е. «черти» в официальном китайском языке, в домашней практике сношений китайских учреждений между собою;

– «мао-цза» — «волосатый, бородатый», среди китайского простонародья это слово употреблялось исключительно в смысле «русский человек, европеец»;

– «цянь» или «лао-цянь». Слово «цянь» означало «варвар» и прилагалось к чужеземцам, обладающим физической силой, свирепостью и проч. А в Маньчжурии русские бумажные деньги носили название «цянь-те-цза», т. е. «билеты цянгов»⁶.

---

⁴ Потанин Г. Три народности в Восточной Азии. Китайцы. Монголы. Тангуты // Вестн. Европы. 1888. № 2. С. 764.

⁵ Путята Д. В. Китай: Очерки географии, экономического состояния, административного и военного устройства Срединной империи и военного значения пограничной с Россией полосы. СПб., 1895. С. 77.

⁶ См.: Рудаков А. Общество И-Хэ-Туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. Владивосток, 1901. С. 73.

Тем не менее, в российской литературе и публицистике очень распространено было мнение об особом отношении к русским китайцев. Среди причин особого отношения к русским назывались длительная история соседства, мирные и добрососедские отношения, сходство в характере. «Китайцы вообще менее предубеждены против русских, чем против других наций», — писал синолог, член Русской духовной миссии в Китае Палладий Кафаров⁷. Незвестный автор «Вестника Европы» отмечал: «Китайцы, боящиеся американцев, ненавидящие англичан, отравляющих их опиумом, презирающие французов и всех европейцев, относятся дружелюбно к русским, быть может, благодаря старинному знакомству с ними и даже некоторому сходству в характере (недаром русские путешественники по Китаю находят в нем поразительное сходство с допетровской Русью)»⁸. И в популярной книжке о Китае издателя О. О. Пуцыковича было написано: «К русским китайцы относятся вообще очень дружелюбно, но на других европейцев смотрят неприязненно и крайне недоверчиво»⁹. Востоковед А. М. Позднеев писал, что у китайцев имеется особая любовь к русским, т. к. «Россия никогда не шла и не должна идти по торной, но грязной дороге европейцев: она имеет свою историю отношений к Китаю и свои задачи на Востоке, которые совершенно различны от задач Европы. Китай всецело сознает это»¹⁰.

Ухудшение отношений с Китаем всегда влияло на утвердившееся мнение представителей российской общественности о хорошем отношении китайского народа к русскому. Так, П. Попов отмечал, что доверие китайцев к русским было поколеблено политикой в кульджинском вопросе (1871–1879)¹¹. Особенно много заметок об отвратительном отношении китайцев к европейцам и русским появилось во время восстания ихэтуаней 1898–1901 гг. Китай называли «враждебной русским страной», указывали на шаткое и непрочное положение русских в Китае, писали о зверствах и разнообразных казнях, которые китайцы применяли

---

⁷ Кафаров П. Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Китай у русских писателей / сост. А. Д. Романенко. М., 2008. С. 63.

⁸ Л-в В. Торговые задачи России на Востоке и в Америке // Вестн. Европы. 1871. № 2. С. 755.

⁹ Пуцыкович О. О. Китайцы. СПб., 1901. С. 14.

¹⁰ Позднеев А. М. Об отношениях европейцев к Китаю: Речь, прочитанная на акте Санкт-Петербургского университета 8-го февраля 1887. СПб., 1887. С. 33.

¹¹ См.: Попов П. Новейшие вести из Китая // Вестн. Европы. 1901. № 11. С. 315.

не только к европейцам и русским, но даже к китайцам, которые были в близком общении с русскими, — подрядчикам, переводчикам, прислуге. Д. М. Позднеев, очевидец данных событий, писал: «Русские почему-то льстят себя надеждою, будто к ним китайцы относятся лучше, нежели к другим народностям. За все время пребывания в Китае я не нашел ни одного подтверждения этого взгляда, и думаю, что нелюбовь к иностранцам общая у китайцев, с такой же силою распространяется и на русских, как и на другие народности»¹².

Как правило, тезис о положительном отношении китайцев к русским в российской литературе был все-таки преобладающим. Этот факт, а также быстрое усвоение русской культуры китайцами расценивались как возможность мирной колонизации маньчжурских территорий вместе с китайским населением. Разделяли такие взгляды многие государственные деятели. Так, знаменитый министр финансов С. Ю. Витте, будучи одним из советников царя Николая II в азиатских вопросах, отстаивал идею мирного проникновения в пределы Китайской империи. Путь, который он выбирал, — развитие торговли, создание инфраструктуры (прежде всего железных дорог), модернизация Китая по европейскому образцу: «...миссия России на Востоке, в противовес стремлению западно-европейских держав к экономическому и нередко политическому порабощению народов Востока, должна быть миссией охранительною, просветительною»¹³. Публицист, поэт, спутник цесаревича Николая в его восточном путешествии князь Э. Э. Ухтомский предсказывал, что царь в конце концов присоединит Китай к своим владениям, но такое присоединение произойдет мирным путем, согласно логике общего наследия и схожих интересов¹⁴. Китай для князя «лучший по уживчивости и удобнейший по консервативным качествам сосед»¹⁵. В эпоху призыва к проведению реформ европейского толка, таким как введение парламента

¹² Позднеев Д. М. 56 дней пекинского сидения в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни: Рассказ очевидца. СПб., 1901. С. 9.

¹³ Цит. по: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 120.

¹⁴ См.: Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. СПб., 1900.

¹⁵ Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича : в 4 т. СПб., 1895. Т. 2. Ч. 4. С. 130.

и конституции, воспевание незыблемых начал китайского государственного устройства, давало прекрасный аргумент в пользу сохранения самодержавия.

К слиянию России и Китая призывали не только политики. С. Рунич, проживший чуть больше года в Маньчжурии по долгу службы на КВЖД, отмечал, что мирное завоевание русских больше всего подходит для китайцев. А синолог А. Рудаков писал о необходимости русского влияния в сфере культуры: «Свежие и бодрящие струи русской жизни и цивилизации уже готовы обновить подгнившие устои древней китайской культуры и влить новое, плодотворное содержание в окаменевшие с течением веков формы восточной мысли и науки, направив то и другое на путь прогресса»¹⁶.

В рамках российских дискуссий об особенностях взаимодействия Китая и России помимо идеи о мирном проникновении России в Китай существовала и идея насильственного захвата Китая или отдельных его территорий. Например, для известного путешественника и по совместительству военного агента Н. М. Пржевальского роль России на Дальнем Востоке заключалась в захватнической войне во Внутренней Азии (территории Синьцзяна, Монголии, Тибета): «Начиная с первого нашего посольства в Китай в 1653 году... все наши сношения с Срединной империей зиждутся на сохранении столь восхваляемой двухсотлетней дружбы...»¹⁷ В основе этих отношений, по его мнению, «наше двухвековое заискивание пред Китаем»¹⁸. В своих работах Пржевальский, выражая шовинистские взгляды в отношении Китая, открыто призывал к завоеванию Азии. Он убеждал своих читателей в том, что такие действия желанны для местного населения и будут морально оправданными. «При всех четырех здесь путешествиях мне постоянно приходилось быть свидетелем большой симпатии и уважения, какими пользуется имя русское среди туземцев...»¹⁹

Вопрос о военной оснащенности китайского государства был очень важен для России, публикации в передовых русских журналах о боевой мощи Китая, его готовности к войне встречались довольно часто, особенно в годы обострения российско-китайских отношений (например, в 1870–1880-е гг.). Полковник Генерального штаба Д. В. Путята писал:

¹⁶ Рудаков А. Указ. соч. С. 77.

¹⁷ Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. СПб., 1888. С. 530.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 509.

«Конечно, Китай, предоставленный сам себе, никогда не сделается опасным для России соседом, но Китай под опекой иностранных агентов, назойливо предлагающих ему вооружение, инструкторов и стратегические планы... такой Китай заставляет нас быть бдительными»²⁰. Военный министр А. Н. Куропаткин выступал за насильственные действия в Азии только при возникновении угрозы интересам России. Он опасался многочисленной китайской армии, получившей благодаря европейцам современное оружие. Но больше этого военного министра волновало мирное продвижение китайцев в российские пределы. Куропаткин призывал действовать «для блага всей Европы, чтобы при новом напоре японцев или китайцев на Россию силы Европы были с нею, а не против нее... “желтая опасность” может быть на продолжительное время устранена»²¹.

Представления о «желтой опасности» являлись интеллектуальным течением, основоположником которого в России был В. С. Соловьев. Философ в конце 1890-х гг. жил предчувствием мировой катастрофы, в которой решающую роль призваны были сыграть азиатские народы, и в первую очередь китайцы. По мнению Соловьева, России предстояло в грядущей битве двух мировых полюсов, Запада и Востока, стать форпостом Запада в деле борьбы с «желтой опасностью». Ф. Духовецкий, русский корреспондент начала XX в., затрагивал проблему «желтой опасности» на страницах «Русского вестника». Он писал, что для России опасно мирное завоевание Китая, которое провоцирует быстрый рост «желтой иммиграции» на дальневосточных окраинах России. «Желтые несут и насаждают здесь свою собственную культуру, или, вернее, отсутствие ее: свой примитивный быт, полунищенскую, неприхотливую жизнь и восточную антисанитарию, заражающую и отравляющую русские города и деревни края»²². Он предлагал кардинальное решение «желтой проблемы» — поглощение Китая Россией.

Таким образом, мы видим, что расширение контактов между Россией и Китаем во второй половине XIX — начале XX в., появление большого количества китайцев сначала на Дальнем Востоке и в Сибири, а затем и по всей России, рост числа русских, работавших и проживавших в Китае, способствовали появлению повышенного интереса к Китаю. Последний в исследуемый период фигурирует в центре внутривнутриполитических, общественных и научных дискуссий, занимает место во внешнеполитических

²⁰ Путьята Д. В. Указ. соч. С. 265.

²¹ Куропаткин А. Н. Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. 3. С. 255.

²² Духовецкий Ф. Желтый вопрос // Рус. вестн. 1900. № 11. С. 164.

концепциях России. Обращение к теме специфики русско-китайских отношений, широкое обсуждение данного вопроса представителями российской общественности позволяло, с одной стороны, обозначить российское влияние на Дальнем Востоке, на интересующих ее территориях, с другой — развиваться различным российским идеям и теориям о самой России, ее сущности, месте в мире, о будущем страны.

Б. Г. Фаткулин

Челябинский государственный университет

Особенности изучения китайского языка российскими студентами на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР

Как известно, Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) является ближайшим к Сибири и Уралу и быстро развивающимся регионом КНР. Выгодное геополитическое положение СУАР определило его внешнеэкономические особенности: Синьцзян является удобным транспортным коридором для экспорта товаров из внутренних провинций Китая в страны Центральной Азии, Восточной Европы и России и импорта энергоресурсов из-за рубежа.

В настоящее время КНР проводит национальную, религиозную и военную политику, способствующую дальнейшей стабилизации социально-политической обстановки в СУАР. В области безопасности одним из приоритетных направлений сотрудничества между РФ и КНР в применении к СУАР является борьба против «трех зол» (международного терроризма, религиозного экстремизма и национального сепаратизма) как на двусторонней основе, так и в рамках ШОС. В дальнейшем сотрудничество может получить дополнительный импульс к развитию при условии совершенствования транспортной инфраструктуры и прокладки газопровода на алтайском участке российско-китайской границы.

Среди пограничных регионов Китая Синьцзян соседствует с наибольшим количеством стран. На протяжении длинной пограничной линии (более 5 600 км) Синьцзян примыкает к восьми странам. Синьцзян